

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ: РЕШЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Обзор дел, рассмотренных Конституционным Судом Российской Федерации

ИЮНЬ • 2013

Постановление от 25 июня 2013 года № 14-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 26. Ст. 3428)

Правовые категории в Постановлении: разумный срок судопроизводства, доступ к правосудию, право на судебную защиту, эффективное восстановление права, равенство всех перед законом и судом, правовая определенность.

Заявитель: гражданка А. Е. Попова (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей 1 и 4 статьи 244.1 и пункта 1 части 1 статьи 244.6 ГПК РФ — в той мере, в какой на их основании решается вопрос о праве потерпевшего по уголовному делу на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в случае, если по данному уголовному делу, которое было прекращено решением уполномоченного органа или должностного лица, не были установлены подозреваемые или обвиняемые лица.

Позиция заявителя: А. Е. Попова усматривает нарушение своих конституционных прав на доступ к правосудию, компенсацию причиненного ущерба и эффективную государственную защиту в том, что длительное неприятие мер по надлежащему расследованию обстоятельств причинения ей физического, имущественного и морального вреда повлекло для нее значительные убытки, которые невозможно возместить, и просит признать примененные в ее деле положения статей 1 и 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», статей 244.1 и 244.6 ГПК РФ не соответствующими статьям 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2), 52, 53 и 123 (части 1 и 3) Конституции РФ, а также статьям 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в той мере, в какой эти законоположения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — исключают для такого заинтересованного лица, как потерпевший, возможность обратиться в суд с требованием

о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок в случае, если по возбужденному по его заявлению уголовному делу не были установлены подозреваемые или обвиняемые.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 ГПК РФ соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой, будучи направленными на обеспечение гарантий судебной защиты права на судопроизводство в разумный срок, эти законоположения — по своему конституционно-правовому смыслу в системе норм — по общему правилу предполагают, что потерпевшему может быть отказано в признании за ним права на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок на том формальном основании, что подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен, если этим лицом не представлены данные, свидетельствующие о возможном нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе в связи с непринятием должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в целях своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, с учетом общей продолжительности производства по уголовному делу.

Взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, пункта 1 части 1, частей 6 и 7 статьи 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», частей первой и четвертой статьи 244.1 и пункта 1 части первой статьи 244.6 ГПК РФ признаны Конституционным Судом не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2), 52 и 123 (часть 3), в той мере, в какой эти законоположения по смыслу, придаваемому им судебным толкованием,

служат основанием для отказа потерпевшему в признании его лицом, имеющим право на подачу заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок, на том лишь формальном основании, что подозреваемый или обвиняемый по делу не был установлен, притом что имеются данные, свидетельствующие о возможном нарушении разумных сроков уголовного судопроизводства, в том числе в связи с непринятием должных мер судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в целях своевременного осуществления досудебного производства по уголовному делу и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления лиц, с учетом общей продолжительности производства по уголовному делу.

Мотивы решения. Право на судебную защиту по буквальному смыслу статьи 46 Конституции РФ, во взаимосвязи с общепризнанными принципами и нормами международного права, является неотчуждаемым правом каждого человека. При этом право на судебную защиту — это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями, которые в нормативной форме (в виде общего правила) предопределяют, в каком суде и в какой процедуре подлежит рассмотрению конкретное дело, что позволяет суду (судье), сторонам, другим участникам процесса, а также иным заинтересованным лицам избежать правовой неопределенности в этом вопросе.

Одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц. Это означает, что правосудие можно считать отвечающим требованиям справедливости, если рассмотрение и разрешение дела судом осуществляется в разумный срок.

Федеральный законодатель вправе устанавливать различный порядок защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. Конституционно важно при этом, чтобы доступ потерпевшего к правосудию был реальным и обеспечивал ему эффективное восстановление в правах. Устанавли-

ваемые федеральным законодателем в развитие конституционных положений условия осуществления процессуальных прав должны отвечать требованиям процессуальной эффективности, экономии в использовании средств судебной защиты и тем самым обеспечивать справедливость судебного решения.

Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» принят в целях реализации права каждого на справедливое судебное разбирательство его дела в разумный срок. Предоставив право обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации субъектам уголовного судопроизводства, включая потерпевшего, федеральный законодатель расширил для Российской Федерации сферу действия статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод применительно к защите признаваемого ее статьей 6 права на справедливое судебное разбирательство в разумный срок. При этом федеральный законодатель учитывал специальный (вспомогательный) характер данного правового института, который связан с тем, что основными субъектами — носителями права являются подозреваемые и обвиняемые.

По общему правилу, как ранее отмечал Конституционный Суд, заявление о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок подается лицом, производство по делу которого окончено, поскольку только после этого могут быть установлены обстоятельства, свидетельствующие о нарушении самого права лица на уголовное судопроизводство в разумный срок (см.: *Определение от 17 июля 2012 года № 1480-О*).

Избрав временной критерий в качестве условия обращения в суд с заявлением о присуждении компенсации, федеральный законодатель наделил правом на такое обращение не только лиц, производство по делам которых окончено, но и лиц, производство по делам которых хотя и продолжается, но уже превышает установленные законом пределы, если продолжительность производства по уголовному делу превысила четыре года и заинтересованное лицо ранее обращалось с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством, при

том, однако, дополнительном условии, что подозреваемый или обвиняемый по данному уголовному делу установлен. Такое дополнительное условие связано с тем, что требование о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок связано с процессуальными аспектами производства по уголовному делу, и признание за заинтересованным лицом права на подачу заявления о присуждении компенсации предполагает достаточно высокую степень очевидности отступления от разумного срока, притом что подозрение или обвинение в совершении уголовно наказуемого деяния в отношении конкретного лица получило соответствующую официальную оценку в процессуальном решении органов публичного уголовного преследования, а судебное рассмотрение обоснованности такого подозрения или обвинения осуществлено судом без неоправданной задержки. Данные правовые положения действуют и в отношении потерпевшего.

Потерпевший, равно как и иное заинтересованное лицо, обратившееся в защиту своих прав с требованием возбудить уголовное дело, не могут быть лишены права на судебную защиту и на доступ к правосудию лишь потому, что по данному уголовному делу не установлены подозреваемые или обвиняемые, то есть отсутствуют формальные основания для начала публичного уголовного преследования конкретного лица от имени государства в связи с совершенным преступным деянием и, соответственно, для последующих процессуальных действий (см.: *Постановление от 14 января 2000 года № 1-П*). Такой отказ возможен лишь при том условии, что судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, органом дознания, дознавателем в пределах их компетенции приняты все должные меры в целях своевременного завершения судопроизводства и установления подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления лиц.

При этом, однако, процессуальный статус потерпевших предопределяет необходимость учета дополнительных параметров, позволяющих при отнесении срока разбирательства конкретного дела к разумному исключить его произвольную оценку, в том числе имея в виду, что обеспечение их права на уголовное судопроизводство в разумный срок зависит не столько от продолжительности досудебного

производства по делу, сколько от своевременности, тщательности, достаточности и эффективности предпринятых мер для объективного рассмотрения соответствующих требований. Это обусловлено как отсутствием у самого потерпевшего от преступления права самостоятельно осуществлять уголовное преследование по делам публичного и частного-публичного обвинения (*actio popularis*), равно как и права на «личную месть», так и объективной невозможностью обеспечить силами органов уголовного преследования неотвратимость уголовной ответственности каждого лица, совершившего преступление.

С учетом оценки судебной практики, Конституционный Суд отмечает, что отсутствие правового закрепления проверки обстоятельств, обусловивших задержку предварительного расследования и рассмотрения вопроса о возможных способах восстановления нарушенных прав на судебную защиту и на защиту от злоупотребления властью, расходится с целями, которые преследовал федеральный законодатель при принятии Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», включая цель обеспечения

равным образом права лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, и лиц, пострадавших от преступлений, на судопроизводство в разумный срок, и, следовательно, не отвечает требованиям статей 15 (часть 4), 17, 46 (части 1 и 2), 52 и 123 (часть 3) Конституции РФ.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: статья 6 (Право на справедливое судебное разбирательство), статья 13 (Право на эффективное средство правовой защиты) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года); пункты 1, 4 и 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 40/34 от 29 ноября 1985 года) определяющие понятие «жертва правосудия», требования к административным и судебным процедурам доступа к правосудию; пункт 13 Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы от 12 мая 2004 года Res (2004) 6 «О повышении эффективности внутренних средств правовой защиты», закрепляющий обязанность государств по обеспечению эффективных мер внутренней правовой защиты.

Особое мнение по данному делу представил судья Г. А. Жилин.

Постановление от 27 июня 2013 года № 15 по делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 27. Ст. 3647)

Правовые категории в Постановлении: местное самоуправление; статус выборного главы муниципального образования; право на судебную защиту и эффективное восстановление нарушенных прав; избирательное право; равенство перед законом и судом.

Заявитель: гражданин А. В. Дубков (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части 1 статьи 83 Трудового кодекса РФ в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования на основе

этих законоположений решается вопрос о возможности прекращения полномочий главы муниципального образования, восстановленного судом в этой должности как незаконно удаленного в отставку, в связи с проведением досрочных выборов и вступлением в должность вновь избранного главы муниципального образования до окончания судебного разбирательства по делу удаленного в отставку главы муниципального образования.

Позиция заявителя: положения частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и пункта 3 части 1 статьи 83 Трудового кодекса РФ

нарушают права заявителя, гарантированные статьями 3 (части 2 и 3), 12, 32 (часть 3), 37 (часть 3), 46 (часть 2) и 130 Конституции РФ, так как в силу своей неопределенности позволяют автоматически прекращать полномочия главы муниципального образования, восстановленного в должности в связи с отменой в судебном порядке решения об удалении его в отставку как незаконного, в случае проведения досрочных выборов главы муниципального образования и вступления в должность избранного на этих выборах иного лица, а также предполагают возможность принятия вновь избранным главой муниципального образования решения об увольнении лица, восстановленного в должности главы муниципального образования в судебном порядке.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал положения частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» соответствующими Конституции РФ в той мере, в какой эти законоположения предполагают в случае принятия представительным органом муниципального образования решения об удалении главы муниципального образования в отставку обеспечение гарантий судебной защиты прав удаленного в отставку лица, а также проведение в установленные федеральным законом сроки — в целях обеспечения непрерывности осуществления муниципальной власти — досрочных выборов главы муниципального образования, на которых удаленный в отставку глава муниципального образования вправе баллотироваться в качестве кандидата; положения частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3) и 133, в той мере, в какой эти законоположения — при отсутствии в системе действующего правового регулирования специальных правовых механизмов согласованного взаимодействия института судебной защиты прав лица, удаленного в отставку с должности главы муниципального образования, и института досрочных выборов главы муниципального образования — допускают в правоприменительной практике проведение таких досрочных выборов до разрешения судом вопроса о

законности удаления главы муниципального образования в отставку и тем самым не гарантируют возможность реального восстановления его прав в случае признания судом соответствующего решения представительного органа местного самоуправления незаконным.

Мотивы решения. Основанием учреждения местного самоуправления является воля населения этих территорий, выраженная непосредственно или через образованные им выборные (представительные) органы местного самоуправления. Как ранее указывал Конституционный Суд, Конституция РФ не исключает возможность введения адекватных мер ответственности органов местного самоуправления и выборных должностных лиц местного самоуправления, включая досрочное прекращение их полномочий, которое в действующем правовом регулировании применительно к рассматриваемой ситуации предполагает возможность судебной проверки по заявлению удаленного в отставку главы муниципального образования законности соответствующего решения представительного органа муниципального образования, а также проведение досрочных выборов главы муниципального образования в установленные федеральным законом сроки, притом что удаленный в отставку глава муниципального образования вправе баллотироваться на этих выборах в качестве кандидата (см.: *Постановление от 16 октября 1997 года № 14-П; определения от 4 октября 2011 года № 1264-О-О, от 2 ноября 2011 года № 1464-О-О и от 17 ноября 2011 года № 1489-О-О*). Необходимо обеспечить баланс между интересами лица, избранного ранее, но удаленного с должности главы муниципального образования, и публичными интересами жителей этого муниципального образования, требующего замещения без необоснованных промедлений должности главы муниципального образования лицом, вновь избранным на эту должность на досрочных муниципальных выборах, и обеспечения тем самым непрерывности осуществления муниципальной власти для решения вопросов местного значения в данном муниципальном образовании. Федеральный законодатель должен руководствоваться целями недопустимости противопоставления одних законных интересов другим и вводить нормативно-право-

вое регулирование судебной защиты прав лица, удаленного в отставку с должности главы муниципального образования, которое должно коррелировать с требованиями избирательного законодательства относительно оснований, условий и сроков назначения и проведения досрочных выборов на соответствующую должность, поскольку в ином случае в процессе правоприменения не исключались бы ситуации недопустимой коллизии и неопределенности применительно к правовым последствиям судебного решения, направленного на восстановление прав лица, незаконно удаленного с должности главы муниципального образования, и итогам состоявшегося акта волеизъявления населения муниципального образования в рамках досрочных выборов на эту должность.

Само по себе отсутствие специальных норм, непосредственно регулирующих порядок удаления главы муниципального образования в отставку, не ставит под сомнение необходимость безусловного обеспечения удаленному в отставку лицу гарантий своевременной и эффективной судебной защиты его прав; соответственно, признание судом решения об удалении главы муниципального образования в отставку незаконным не требует каких-либо дополнительных подтверждений для его восстановления в ранее занимаемой должности. Данный вывод согласуется с ранее сформулированной Конституционным Судом правовой позицией (см.: *Постановление от 27 декабря 2012 года № 34-П*).

Установленный Федеральным законом «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» срок проведения досрочных выборов в случае досрочного прекращения полномочий выборного должностного лица местного самоуправления не может применяться вне связи с процессом судебной защиты прав удаленного в отставку с должности главы муниципального образования лица, а досрочные выборы не должны создавать препятствий для реализации соответствующих судебных гарантий его прав. В свою очередь, судебная защита должна осуществляться в максимально короткий срок, с тем чтобы исключалось необоснованно продолжительное по времени сохранение ситуации неопределенности в отношении правового статуса указанного лица.

Наличие в действующем законодательном регулировании порядка и последствий удаления главы муниципального образования в отставку лишь общих (без специальной конкретизации) правил, относящихся к судебной защите прав удаленного в отставку лица и к порядку назначения досрочных выборов и вступления в должность вновь избранного главы муниципального образования, может порождать на практике рассогласованное применение и коллизию этих институтов, что имело место в деле заявителя. В результате исполнение решения суда о восстановлении правового статуса отправленного в отставку главы муниципального образования ввиду правовой неопределенности, наличия пробелов в законодательстве становится невозможным.

Признавая право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, Конституция РФ гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Допущение возможности вынесения судебного решения, которое не может быть исполнено, не согласуется с конституционными требованиями. Таким образом, федеральный законодатель обязан разрешить данные правовые коллизии, приводящие к нарушению конституционных прав граждан.

Отношения, возникающие в связи с избранием лица на муниципальную должность, как обусловленные осуществлением власти самим местным сообществом, по своему характеру отличаются от трудовых отношений, которые складываются в сфере наемного труда на основании трудового договора, заключаемого с работодателем. С учетом изложенного положения статьи 83 Трудового кодекса РФ не распространяются на заявителя.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: пункт 5 статьи 1 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств (от 7 октября 2002 года), согласно которой избранные лица, получившие необходимое число голосов, определенное конституцией, законом, вступают в должность в порядке и сроки, установленные законами, и остаются в должности до истечения срока своих полномочий в соответствии с демократическими парламентскими и конституционными процедурами.

ИЮЛЬ • 2013

Постановление от 2 июля 2013 года № 16-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3881)

Правовые категории в постановлении: право на судебную защиту, доступ к правосудию, компетенция судебной власти, функции обвинения.

Заявитель: гражданин Б. Т. Гадаев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ), Курганский областной суд (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения части первой статьи 237 УПК РФ, на основании которых решается вопрос о возвращении судом по ходатайству стороны или по собственной инициативе уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, применительно к случаям, когда фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Позиция заявителя: положения части первой статьи 237 УПК РФ во взаимосвязи со статьей 252 данного Кодекса не позволяют суду рассмотреть по существу доводы потерпевшего относительно неправильной квалификации преступления органами предварительного расследования и удовлетворить его ходатайство о возвращении уголовного дела прокурору для изменения обвинения на более тяжкое, а следовательно, препятствуют постановлению приговора в точном соответствии с уголовным законом. Кроме того, часть первой статьи 237 УПК РФ — с учетом сложившейся практики ее применения и прецедентов судебного разбирательства — не позволяет суду в случае обнаружения в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого и обвинительном заключении несоответствия описания преступного деяния формулировке предъявленного обвинения по собственной

инициативе — при отсутствии заявления обвиняемого, потерпевшего либо их представителей о нарушении их процессуальных прав на досудебной стадии производства по уголовному делу — вернуть данное уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом по основаниям, допускающим или предполагающим в дальнейшем возможность ухудшения положения обвиняемого, чем фактически исключают при постановлении итогового решения по уголовному делу возможность правильного применения судом уголовного закона и вынесения им по результатам судебного разбирательства законного, обоснованного и справедливого решения.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения части первой статьи 237 УПК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 10, 17 (часть 1), 19 (части 1 и 2), 21 (часть 1), 45, 46 (части 1 и 2), 55 (часть 3), 118 (части 1 и 2) и 120 (часть 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с частью второй статьи 252 данного Кодекса, исключают возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены фактические обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления.

Мотивы решения. Разрешая дело, суд на основе исследованных в судебном заседании

доказательств формулирует выводы об установленных фактах, о подлежащих применению в данном деле нормах права и, соответственно, об осуждении или оправдании лиц, в отношении которых велось уголовное преследование. При этом состязательность в уголовном судопроизводстве во всяком случае предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются указанными в законе органами и должностными лицами, а в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях также потерпевшими. Возложение же на суд обязанности в той или иной форме подменять деятельность этих органов и лиц по осуществлению функции обвинения препятствует независимому и беспристрастному осуществлению правосудия.

В то же время неправильная квалификация судом фактически совершенного обвиняемым деяния, а потому неверное установление оснований уголовной ответственности и назначения наказания (хотя и в пределах санкции примененной статьи) влекут вынесение неправосудного приговора, что недопустимо в правовом государстве, императивом которого является верховенство права, и снижает авторитет суда и доверие к нему как органу правосудия. Продолжение же рассмотрения дела судом после того, как им были выявлены допущенные органами предварительного расследования процессуальные нарушения, которые препятствуют правильному рассмотрению дела и которые суд не может устранить самостоятельно, а стороны об их устранении не ходатайствовали, приводило бы к постановлению незаконного и необоснованного приговора и свидетельствовало бы о невыполнении судом возложенной на него Конституцией РФ функции осуществления правосудия.

Поскольку конституционные принципы правосудия предполагают неукоснительное следование процедуре уголовного преследования, что гарантирует соблюдение процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, суд, выявив допущенные органами дознания или предварительного следствия процессуальные нарушения, вправе принимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом меры по их устранению с целью восстановления нарушенных прав и

создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу. Возвращая в этих случаях уголовное дело прокурору, суд не подменяет сторону обвинения, — он лишь указывает на выявленные нарушения, ущемляющие процессуальные права участников уголовного судопроизводства, требуя их восстановления.

В случае, когда в ходе судебного разбирательства (которое, как следует из статьи 252 УПК РФ, проводится только по предъявленному обвинению, а изменение обвинения в судебном разбирательстве в сторону ухудшения не допускается) суд придет к выводу, что имеет место нарушение требований УПК РФ, препятствующее рассмотрению уголовного дела судом, в том числе ввиду несоответствия квалификации инкриминируемого обвиняемому преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, ограничение права суда на выбор нормы уголовного закона, подлежащей применению, или на возвращение уголовного дела прокурору (как по ходатайству стороны, так и по собственной инициативе) на основании части первой статьи 237 УПК РФ ставит решение суда в зависимость от решения, обоснованность которого и составляет предмет судебной проверки и которое принимается органами уголовного преследования, в том числе входящими в систему исполнительной власти, то есть является неправомерным вмешательством в осуществление судебной власти.

Более того, положения части первой статьи 237 УПК РФ во взаимосвязи с его статьей 252 не позволяют устранить нарушения закона, допущенные органами уголовного преследования, если из содержания обвинительного заключения, обвинительного акта или обвинительного постановления с очевидностью следуют неправильность квалификации описанного в них деяния и необходимость предъявления более тяжкого обвинения, что не может быть осуществлено в судебном разбирательстве.

Конституционный Суд неоднократно указывал, что любое преступное посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и наиболее грубым посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек как жертва преступления становится объектом произвола и насилия, а сле-

довательно, государство обязано способствовать устранению нарушений прав потерпевшего от преступления.

В силу особенностей своего статуса потерпевший не наделяется правом предопределять осуществление уголовного преследования по делам публичного и частно-публичного обвинения и его пределы и самостоятельно выдвигать и поддерживать обвинение в суде. Реализация же им права довести до суда свою позицию по вопросам о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона зависит от обеспечения этого права органами публичного уголовного преследования — дознавателем, следователем и прокурором.

Ограничение права суда в ходе судебного производства самостоятельно разрешать вопрос о выборе нормы уголовного закона, подлежащей применению, в случае несоответствия квалификации преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, когда имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении, равно как и удовлетворить ходатайство потерпевшего о возвращении уголовного дела прокурору для устранения таких нарушений влечет и ограничение права потерпевшего на защиту от преступных действий, возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, не позволяет принимать своевременные меры к выявлению и устранению нарушений этих прав, что в конечном счете приводит к нарушению принципов состязательности и равноправия сторон, умалению чести и достоинства личности самим государством, фактически сводит на нет право

потерпевшего довести до суда свою позицию о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания.

Особое мнение по данному делу высказал судья С. М. Казанцев, отметив, что расширение судом обвинения в отношении конкретного лица и формулирование требования представить суду доказательства виновности обвиняемого ведет к тому, что в результате под угрозу ставится независимая позиция судьи и оказывается нарушенным гарантируемое статьей 120 Конституции право человека на рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом. При этом оспариваемые законоположения не ограничивают права потерпевшего на обжалование действий органов следствия, обвинения и суда по вопросам обвинения, применения уголовного закона и назначения наказания виновному лицу. Также С. М. Казанцев указал на то, что ни международное право, ни конституции большинства демократических государств не предусматривают в качестве обязательного требования закрепление в законодательстве полномочия суда изменять обвинение в сторону, ухудшающую положение подсудимого, когда суд приходит к выводу, что фактические обстоятельства свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, закрепляющие право на справедливое судебное разбирательство.

Постановление от 2 июля 2013 года № 17-П по делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 5 и статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3882)

Правовые категории в постановлении: обязанность платить законно установленные налоги и сборы, действие нормативных правовых актов во времени.

Заявитель: Открытое акционерное общество «Омскшина» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 1 статьи 5 и статьи 391 Налогового кодекса РФ в той мере, в какой они служат основанием для решения вопроса о порядке вступления в силу нормативных правовых актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, устанавливаю-

щих кадастровую стоимость земельных участков, применительно к отношениям, связанным с исчислением и уплатой земельного налога.

Позиция заявителя: положений пункта 1 статьи 5 и статьи 391 Налогового кодекса не соответствуют статьям 1, 2, 8, 17, 19, 46, 55, 57 и 123 Конституции РФ, так как, допуская установление налоговой базы по земельному налогу правовыми актами органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, принимаемыми в соответствии с закрепленными земельным законодательством полномочиями, эти положения порождают неопределенность с точки зрения возможности распространения на такие акты правил о действии актов о налогах и сборах во времени, что приводит к возложению на плательщиков земельного налога налоговых обязательств без соблюдения установленных налоговым законодательством общих гарантий их прав и к нарушению конституционного принципа законного установления налогов и сборов.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения пункта 1 статьи 5 и статьи 391 Налогового кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования эти положения предполагают, что нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости земельных участков в той части, в какой они порождают правовые последствия для граждан и их объединений как налогоплательщиков, действуют во времени в том порядке, который определен в Налоговом кодексе для вступления в силу актов законодательства о налогах и сборах.

Выявленный в Постановлении конституционно-правовой смысл указанных положений Налогового кодекса РФ является общеобязательным и исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Мотивы решения. Возлагая на граждан обязанность платить законно установленные налоги и сборы, Конституция РФ вместе с тем гарантирует защиту их прав в тех случаях, когда налоги не являются законно установленными либо когда закону, устанавливающему

новые налоги или ухудшающему положение налогоплательщиков, придается обратная сила.

В соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, выраженными в ряде его решений (см.: *постановления от 30 января 2001 года № 2-П, от 19 июня 2003 года № 11-П* и др.), в силу конституционного императива законности установления налогов и сборов предъявляются требования не только к форме, процедуре принятия и содержанию соответствующих актов, но и к порядку их введения в действие. Этим обуславливается необходимость определения законодателем разумного срока, по истечении которого возникает обязанность каждого платить налоги и сборы.

Действие критериев, вытекающих из конституционного принципа законности установления налогов и сборов, не ограничивается правовыми актами, которые в конкретной системе правового регулирования прямо отнесены к законодательству о налогах и сборах. Исходя из этого предусмотренные в статье 57 Конституции РФ гарантии оказывают воздействие на все отношения, связанные с установлением налогов и сборов, безотносительно к формально-отраслевой принадлежности тех правовых средств, которые в целях налогового регулирования (установления налогов и сборов) используются законодателем.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ земельный налог является местным налогом (статья 15), устанавливается данным Кодексом (глава 31) и нормативными правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законодательных представительных) органов государственной власти городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга) (пункт 1 статьи 387).

Налоговым кодексом предусмотрено, что налоговая база по земельному налогу определяется как кадастровая стоимость земельных участков, признаваемых объектом налогообложения, по состоянию на 1 января года, являющегося налоговым периодом. Налогоплательщики-организации определяют налоговую базу самостоятельно на основании сведений государственного кадастра недвижимости о каждом земельном участке, принадлежащем им на праве собственности или праве постоянного (бессрочного) пользования (пункты 1 и 3 статьи 391); налоговым пе-

риодом признается календарный год (пункт 1 статьи 393).

Таким образом, правовое регулирование земельного налога носит комплексный характер и обеспечивается актами как налогового, так и земельного законодательства, которое используется для целей налогообложения. Соответственно, нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации об утверждении кадастровой стоимости земельных участков в той части, в какой они во взаимосвязи с нормами статей 390 и пункта 1 статьи 391 Налогового кодекса РФ порождают правовые последствия для граждан и их объединений как налогоплательщиков, действуют во времени в том порядке, какой определен федеральным законодателем для вступления в силу актов законодательства о налогах и сборах в Налоговом кодексе РФ. Для целей же, не связанных с налогообложением и сборами, указанные нормативные правовые акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации действуют во времени в общем порядке.

Конституционный Суд ранее пришел к выводу о том, что положение абзаца первого пункта 1 статьи 5 Налогового кодекса предполагает вступление в силу акта законодательства о налогах по крайней мере не ранее чем по истечении одного месяца со дня его официального опубликования (см.: *Определение от 8 апреля 2003 года № 159-О*); оговорка «по крайней мере» не означает отсутствие и необязательность соблюдения иных условий вступления в силу указанных актов (см.: *Определение от 17 ноября 2011 года № 1571-О-О*). Следовательно, оно не может препятствовать применению судами при рассмотрении конкретных дел положений статьи 5 Налогового кодекса РФ в более благоприятном для налогоплательщиков смысле.

Из взаимосвязанных положений статей 1, 2, 6 (часть 2), 8, 17 (часть 1), 18, 19, 34, 35, 55 (часть 3) и 57 Конституции РФ, рассмат-

риваемых в единстве с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, выраженными им по вопросам действия во времени нормативных правовых актов, влияющих на определение налоговой базы по земельному налогу, следует, что нормативные положения, содержащиеся в актах земельного законодательства, — в той мере, в какой они определяют формирование налоговой базы по земельному налогу и тем самым непосредственно интегрированы в нормативно-правовой механизм регулирования налоговых отношений, — не могут проявлять свое регулятивное воздействие в налоговой сфере по правилам, отличным от тех, которые установлены в отношении собственно актов законодательства о налогах и сборах, и, соответственно, они порождают юридически значимые последствия и подлежат применению для целей исполнения обязанности по уплате земельного налога начиная с того момента, который определяется в общем порядке, установленном на основании статьи 5 Налогового кодекса РФ. Иное означало бы возможность снижения конституционных гарантий прав налогоплательщиков исключительно по формальным основаниям, связанным с самой по себе отраслевой принадлежностью нормативных правовых актов, которые используются для целей налогообложения, что недопустимо.

Соответственно, оспариваемые законоположения не могут истолковываться и применяться в правоприменительной практике, включая практику арбитражных судов, без учета приведенной правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Этим не исключается возможность для федерального законодателя в рамках совершенствования правового регулирования обложения земельным налогом установить с учетом настоящего Постановления специальные, уточняющие правила, касающиеся порядка вступления в силу нормативных правовых актов, определяющих налоговую базу по этому налогу.

Постановление от 9 июля 2013 года № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 29. Ст. 4019)

Правовые категории в постановлении: достоинство личности, защита чести и доброго имени, неприкосновенность частной жизни.

Заявитель: гражданин Е. В. Крылов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции).

Предмет рассмотрения: положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК Российской Федерации в той мере, в какой они служат основанием для принятия решения по вопросу об удалении владельцем сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, или уполномоченным им лицом, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, размещенных на сайте третьими лицами и признанных судом не соответствующими действительности.

Позиция заявителя: положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ нарушают конституционные права, гарантированные статьями 2, 15 (части 1, 2 и 4), 17 (части 1 и 3), 18, 21 (часть 1), 23 (часть 1), 24 (часть 1), 29 (часть 1, 4 и 5), 45 и 46 (часть 1) Конституции РФ, поскольку эти положения в случае невозможности установления лица, распространившего в сети «Интернет» порочащие гражданина сведения, позволяют лишь признать такие сведения не соответствующими действительности и, не допуская применения наряду с ними статей 12, 150, 151 и 152¹ ГК РФ, лишают тем самым этого гражданина права требовать по суду удаления с сайта своего личного изображения, если оно размещено без его согласия, а также порочащих его честь и достоинство сведений и исключают ответственность администратора (владельца) этого сайта за их распространение.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал взаимосвязанные положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они направлены на защиту личных неимущественных прав гражда-

нина, нарушенных распространением в отношении него сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, в том числе на сайте в сети «Интернет», не зарегистрированном в качестве средства массовой информации, и — не предполагая привлечения к ответственности владельца сайта или уполномоченного им лица, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, за сам факт размещения сведений, распространенных третьими лицами, достоверность которых владелец сайта или уполномоченное им лицо не имеют возможности самостоятельно проверить, — не лишают такого гражданина права обратиться к другим, не указанным в этих законоположениях законным средствам защиты нарушенного права.

Также Конституционный Суд признал взаимосвязанные положения пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 17 (часть 3), 21 (часть 1), 23 (часть 1), 24 (часть 1), 29 (часть 4), 45 (часть 2) и 46 (часть 1), в той мере, в какой эти положения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, в системе действующего правового регулирования — не обязывают владельца сайта в сети «Интернет», не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, удалить по требованию гражданина информацию, содержащую сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, которые вступившим в законную силу судебным решением признаны не соответствующими действительности.

Мотивы решения. Информация, распространяемая посредством сети «Интернет», размещается на сайтах, ресурсы которых, как правило, технически и технологически объективно доступны неопределенному кругу лиц, что не исключает возможность их анонимного использования, в том числе в противоправных целях, например, для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию граждан.

Тот факт, что противоправные действия с применением ресурсов сети «Интернет» совершены неизвестным лицом, не отменяет общего принципа, в силу которого ответственность за эти действия несет именно правонарушитель. Однако даже фактическая невозможность в подобных случаях установить и привлечь к ответственности виновное лицо, равно как и отсутствие правовых оснований для привлечения к ответственности владельца соответствующего сайта, не являющегося средством массовой информации, или иного уполномоченного им на размещение информации лица, в качестве способа защиты прав потерпевшего не означает, что эти права не подлежат защите иными способами, предусмотренными гражданским законодательством (статья 12 ГК РФ).

В случае, если порочащие гражданина сведения, размещенные на сайте в сети «Интернет», признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, должны быть обязаны по заявлению потерпевшего такие сведения удалить. Иное фактически означало бы отказ в защите чести и достоинства гражданина, его доброго имени и репутации, притом что способы защиты, предполагающие, например, размещение опровергающего порочащие сведения судебного решения, существенно снижают эффективность защиты, тем более когда суд констатирует, что установить распространителя таких сведений не представляется возможным.

Возложение на владельца сайта или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, обязанности удалить порочащие гражданина сведения представляет собой не меру ответственности за виновное правонарушение, а законный способ защиты права. Гражданин, в отношении которого были распространены порочащие сведения на сайте в сети «Интернет», вправе обратиться в суд с требованием об обязанности его владельца или уполномоченного лица, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, удалить эти сведения как не соответствующие действительности, что предполагает установление данного обстоятельства непосредственно в ходе рассмотрения искового заявления. Вме-

сте с тем владелец сайта или уполномоченное им лицо — поскольку они объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, притом что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова — не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность небесспорна, в частности не установлена судебным решением, а следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору.

Пункты 1, 5 и 6 статьи 152 ГК РФ в ныне действующей редакции сами по себе не предписывают удаление с сайта в сети «Интернет», не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию гражданина сведений, которые были признаны судом не соответствующими действительности, равно как и не предполагают, в том числе во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ответственности его владельца или уполномоченного им лица за отказ удалить эти сведения, а сложившаяся практика их применения не вполне обеспечивает неукоснительную защиту конституционных прав потерпевшего. Так, в некоторых случаях суды рассматривают указанные положения как содержащие исчерпывающий перечень способов защиты прав гражданина, в отношении которого такие сведения распространены, и тем самым не позволяющие применить другие положения данного Кодекса.

В результате такого истолкования оказываются нарушенными положения Конституции РФ, закрепляющие охрану государством достоинства личности и недопустимость его умаления (часть 1 статьи 21), право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23), запрет оборота информации о частной жизни лица

без его согласия (часть 1 статьи 24) и недопустимость при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушения прав и свобод других лиц (часть 3 статьи 17). Противоречит оно и статье 45 (часть 2) Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, а равно и ее статье 46 (часть 1), гарантирующей каждому судебную защиту его прав и свобод.

Это означает необходимость введения в правовое регулирование дополнительных законодательных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации, учитывающих существенное изменение способов распространения информации и отвечающих современным условиям ее движения в сети «Интернет», зачастую сопоставимого по широте охвата аудитории с деятельностью средств массовой информации.

В этих целях в рамках совершенствования гражданского законодательства был принят Федеральный закон № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Согласно пункту 5 статьи 152 ГК РФ в редакции данного Федерального закона, который вступает в силу с 1 октября 2013 года, если сведения, порочащие честь, достоинство или деловую репутацию гражданина, оказались после их распространения доступными в сети «Интернет», гражданин вправе требовать удаления соответствующей информации, а также опровержения указанных сведений способом, обеспечивающим доведение

опровержения до пользователей сети «Интернет».

Нормы международного права, использованные в Постановлении: преамбула, статья 1 Всеобщей декларации прав человека, преамбула Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — Международный пакт), закрепляющие признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, наряду с равными и неотъемлемыми их правами как основы свободы, справедливости и всеобщего мира; пункты 2 и 3 статьи 19 Международного пакта и статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепляющие право каждого на свободное выражение своего мнения; статья 2 Международного пакта и пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, обязывающие государство обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты; подпункт «а» пункта 2 Совместной декларации о свободе выражения мнения и Интернете, согласно которой ни одно лицо, предоставляющее лишь технические интернет-услуги, такие как обеспечение доступа или поиск, передача или кэширование информации, не должно нести ответственности за созданный другими лицами контент, который был распространен при помощи этих услуг, если это лицо не вносило в него изменений и не отказывалось выполнить судебное решение об удалении данного контента в случаях, когда оно имеет возможность это сделать.

Постановление от 18 июля 2013 года № 19-П по делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 3511 Трудового кодекса Российской Федерации

(Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 30 (ч. II). Ст. 4189)

Правовые категории в Постановлении: право на свободное распоряжение способностями к труду; ограничения прав и свобод; правовое положение лиц, имеющих или имевших судимость; принцип равенства перед законом и судом; государственная защита прав несовершеннолетних; устранение уголовной ответственности.

Заявители: граждане В. К. Барабаш, А. Н. Бекасов, И. И. Гардер, О. В. Гликман,

Е. В. Горохов, А. В. Гумеров, О. А. Жукова, Д. А. Карабут, О. А. Курашкин, В. В. Осинцев, К. М. Щербина (в порядке части 4 статьи 125 Конституции) и Мурманская областная Дума (в порядке части 4 статьи 125 Конституции).

Предмет рассмотрения: пункт 13 части первой статьи 83, абзац третий части второй статьи 331 и статья 351¹ Трудового кодекса РФ в редакции Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ «О внесе-

нии изменений в статью 22¹ Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации» (пункты 4 и 5 статьи 2) в той мере, в какой на их основании решается вопрос о возможности занятия педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних лицами, имеющими или имевшими судимость, лицами, уголовное преследование в отношении которых прекращено по нереабилитирующим основаниям, и лицами, подвергающимися или подвергавшимися уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за совершение перечисленных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса РФ преступлений, в том числе в случаях, когда судимость снята или погашена.

Позиция заявителей: Пункт 13 части первой статьи 83 и абзац третий части второй статьи 331 Трудового кодекса РФ не соответствуют статьям 15 (часть 1), 19 (часть 1), 37 (части 1 и 3) и 54 Конституции РФ, поскольку вводят запрет на профессию для тех лиц, уголовное преследование которых осуществлялось до вступления в силу изменений, внесенных в Трудовой кодекс РФ Федеральным законом от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ, и которые совершили преступления не в отношении несовершеннолетних. Положения части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса РФ нарушают права, гарантированные статьями 2, 17, 18, 37 (часть 1), 54 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку несоразмерно ограничивают работника с погашенной или снятой до вступления в силу указанного Федерального закона судимостью в реализации его права на свободное распоряжение своими способностями к труду.

Итоговые выводы решения: Конституционный Суд признал положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового

кодекса РФ не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой данные законоположения означают, что к занятию педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних не допускаются либо подлежат увольнению:

— лица, имеющие судимость за совершенные указанные в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса РФ преступления;

— лица, имевшие судимость за совершенные тяжких и особо тяжких из числа указанных в данных законоположениях преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности;

— лица, имевшие судимость за совершенные иных указанных в данных законоположениях преступлений, а также лица, уголовное преследование в отношении которых по обвинению в совершении указанных в данных законоположениях преступлений прекращено по нереабилитирующим основаниям, — постольку, поскольку на основе оценки опасности таких лиц для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних обеспечивается соразмерность введенного ограничения целям государственной защиты прав несовершеннолетних.

Конституционный Суд признал не соответствующими Конституции РФ положения пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса РФ в той мере, в какой данные законоположения вводят безусловный и бессрочный запрет на занятие педагогической деятельностью, а также иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних и, соответственно, предполагают безусловное увольнение лиц, имевших судимость (а равно лиц, уголовное преследование в отношении которых

прекращено по нереабилитирующим основаниям) за совершение иных указанных в данных законоположениях преступлений, кроме тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, не предусматривая при этом необходимость учета факторов, позволяющих определить, представляет ли конкретное лицо опасность для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних, чем несоразмерно ограничивают право таких лиц на свободное распоряжение своими способностями к труду и нарушают баланс конституционно значимых ценностей. Те же законоположения признаны не соответствующими статьям 37 (часть 1), 49 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой данные законоположения предусматривают обязательное и безусловное прекращение трудового договора с работником, осуществляющим перечисленные выше виды деятельности, если это лицо подвергается уголовному преследованию за указанные в данных законоположениях преступления, — до разрешения уголовного дела по существу или до завершения производства по уголовному делу. Те же законоположения признаны не соответствующими статьям 37 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой они допускают наступление предусмотренных ими неблагоприятных последствий в связи с совершением лицом деяния, которое на момент решения вопроса о приеме на работу или об увольнении не признается преступлением.

Мотивы решения. Ограничивая лиц, имеющих или имевших судимость, подвергающихся или подвергавшихся уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, в доступе к трудовой деятельности в этих сферах, федеральный законодатель преследовал цель обезопасить жизнь, физическое и психическое здоровье

несовершеннолетних, оградить от негативного воздействия на формирование их как личностей, создать условия, обеспечивающие полноценное психическое, духовное, нравственное и физическое развитие несовершеннолетних, как того требуют статьи 20 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1) и 38 (часть 1) Конституции РФ и соответствующие международно-правовые акты.

Поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений, федеральный законодатель, минимизируя риски для жизни, здоровья и нравственности именно несовершеннолетних — основы будущих поколений и при этом наиболее беззащитной и уязвимой категории граждан, находящейся под особой охраной Конституции РФ, был вправе ограничить доступ к педагогической и иной профессиональной деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних для лиц, имеющих или имевших судимость за совершение тяжких и особо тяжких преступлений из числа указанных в абзаце третьем части второй статьи 331 и статье 351¹ Трудового кодекса РФ, а также преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, сам факт совершения которых — в силу особенностей объекта посягательства, тяжести последствий таких преступлений — свидетельствует об опасности, которую эти лица могут представлять для жизни, здоровья и нравственности несовершеннолетних.

Общее и безусловное ограничение права на занятие педагогической или иной профессиональной деятельностью в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних для лиц, в отношении которых осуществляется уголовное преследование (вне зависимости от того, каким результатом оно завершится), не

согласуется со статьей 49 (часть 1) Конституции РФ, в соответствии с которой каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, а также не отвечает общеправовым принципам справедливости, равенства и соразмерности ограничений прав и свобод.

Правоприменительные органы, в том числе суды, не могут не учитывать волю федерального законодателя при применении законов, предусматривающих правовые последствия совершения лицом уголовно наказуемого деяния, в том числе при применении взаимосвязанных положений пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351¹ Трудового кодекса РФ. Такая правовая позиция уже высказывалась Конституционным Судом РФ ранее в отношении воли законодателя, выраженной в новом уголовном законе, устраняющем или смягчающем уголовную ответственность (см.: *Постановление от 20 апреля 2006 года № 4-П* и др.) В противном случае лица, подвергнутые уголовному преследованию и осуждению до принятия уголовного закона, устраняющего уголовную ответственность, подпадали бы под установленные в Трудовом кодексе РФ ограничения, находясь в неравном положении с теми лицами, которые совершили аналогичные деяния после вступления в силу нового уголовного закона, исклю-

чающего возможность уголовного преследования и осуждения данных лиц по приговору суда, и на которых установленные трудовым законодательством ограничения уже не распространялись бы. Тем самым нарушались бы указанные конституционные принципы и вытекающие из них критерии действия закона во времени и по кругу лиц, в силу которых совершение деяния, которое впоследствии утратило уголовно-правовую оценку в качестве преступного, не может служить таким же основанием для установления ограничения трудовых прав, как совершение преступления. Это требование распространяется на все декриминализованные деяния независимо от времени их совершения и на всех лиц, в том числе тех, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по не реабилитирующим основаниям.

Нормы международного права, использованные в Постановлении: преамбула, принцип 2, принцип 9 Декларации прав ребенка (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года); пункт 1 статьи 3, пункт 1 статьи 19 Конвенции о правах ребенка (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 44/25 от 20 ноября 1989 года); подпункт «d» пункта 27, подпункт «i» пункта 27 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 63/241 от 24 декабря 2008 года «Права ребенка».

Материал подготовлен Ольгой Подоплеловой и Юлией Рудт, Кириллом Чернолом.